

В. Балашов

МЕЧЕНЫЙ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

22/IV-15/78
22/IV 168
18 I-263
20/II 146

Кол-во прод. выдана

90826

✓

КАТАЛОГ

М
Б

П

УФ

В. Балашов

90826

✓

МЕЧЕНЫЙ

РАССКАЗ

Областная
детская библиотека
им. В. И. Ленина
ДБОИ ДАЭИТ

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Т

*Рассказ для детей
среднего школьного возраста*

Весна в том году выдалась ранняя, неровная. Днем под жарким солнцем на бронзовых стволах сосен плавилась смола, а ночью ветки прогибались под тяжестью холодных сосулек.

В чистом ельнике да по северному склону лесного оврага еще лежал снег, а на южной стороне, возле прогретых солнцем корней, уже затеплилась первая жизнь. Прокалывая ржавые прошлогодние листья, потянулась на свет нетерпеливая травка, и красавец-подснежник, укутанный в бархатистую шубку, выглянул из-под куста орешника.

Как-то вечером сюда, в тихую лесную глухомань, забрела матерая зайчиха. Поводила настороженными ушами, принюхалась и бесшумными скачками направилась вдоль оврага. Белячиха была очень осторожна. Хрустнет ли где иссохшая веточка, упадет ли с дерева кусочек коры, она тотчас расплывается на земле и лежит недвижимо, кося по сторонам выпуклыми немигающими глазами; потом выставит торчком одно ухо, прислушается и, успокоенная, заковыляет дальше.

Открытые лесные полянки она старалась проскочить побыстрее, не задерживалась и в просторном бору. Лишь в непролазной чащобе дубняка зайчиха осмелела и с деловитой поспешностью принялась выискивать что-то в кустах. Придирчи-

во обнюхивала каждый сучок, швырялась в слежавшихся листьях. С особой тщательностью она обследовала трухлявый пенек, словно щетиной обросший колкой молодой порослью. Вокруг него зайчиха напетляла замысловатый лабиринт следов и вдруг сильным боковым прыжком метнулась в сторону. Грузное тело ее плюхнулось возле самого пенька на прелые листья. Не раз еще показывались из-за пенька большие настоженные уши, не раз белячиха вставала столбиком и внимательно осматривалась. Убедившись, наконец, что за ней никто не наблюдает, прищелица нащипала с живота грязновато-желтой невылинявшей шерсти, закопалась в листьях и затихла...

Ночью у нее родилось шестеро зайчат — шесть маленьких пушистых шариков. Они вовсе не пищали, как детеныши иных четвероногих, не расползались по сторонам, а сразу уцепились за набухшие соски на брюхе матери и принялись за дело. Потом с раздутыми животиками стали один за другим отваливаться от сосков. Когда отцепился последний, измученная мамаша прикрыла задремавших малышей листьями, выпрыгнула из гнезда на свой старый след и исчезла в темноте...

Торжественная ночь плыла над лесом. По-весеннему ярко лучились звезды.

К утру похолодало. Влажные дубовые листья в незатейливом заячьем гнезде начали похрустывать и коробиться от мороза. Новорожденные закопошились. Те, что лежали с краю, начали протискиваться в серединку, где потеплее. Самый крупный зайчонок, который сладко спал, пригретый со всех сторон тельцами братьев, оказался вдруг с краю и проснулся от холода.

Зайчонок беззвучно чихнул и зашевелил своим удивительно чутким носиком. Лесные запахи породили у малыша смутное ощущение, будто из темных глубин леса доносится чей-то властный призыв. То был голос инстинкта. Послушный его зову, зайчик выбрался наружу и отправился в свое первое путешествие в неведомый мир.

Голубыми искорками вспыхивал иней на метелках прошлогодней травы, похрустывали под крошечными лапками листья. Нелегко был путь малыша. Ведь в своем непомерно раздутом животике он волочил почти столько же материнского молока,

сколько весил сам. Попробуй-ка полазить с таким грузом через узловатые корни, протискиваться под хворостинами! В безопасных местах, за грудкой листьев, под кочками, путешественник останавливался перевести дыхание и осмотреться. Затем снова скользил по замерзшим мочажинкам, терпеливо карабкался через канавы...

Когда небо на востоке чуть забелело, усталый зайчонок уже дремал в укромной ямке, далеко от родного гнезда. Почудились ему сквозь сон шорох промерзшей травы и шлепанье чьих-то лапок. То перебирался на новое место один из его маленьких собратьев. Тот же мудрый инстинкт заставил и других зайчат искать убежища поодиночке вдали от гнезда...

...Бесшумно скользит по лесу рыжебокая лисица, рыщет по кустам поджарый, оголодавший за зиму волк. Останься малыши на месте — живо нашли бы их хищники по следам матери-зайчихи. А теперь — попробуй найди! Сами зайчата ничем не пахнут: потовые железки у зайцев только на лапках, а у новорожденных они и там закрыты. Значит, по следам зайчонка и сама мать найти не сможет. Только движением мог бы выдать малыш свое присутствие. Наш зайка, будто понимая это, притаился, не шелохнется. Уткнул лобастую головку меж передних лапок, уложил ушки на спине и совсем слился рыжей шубкой с бурой кучкой листвы: наступишь — не заметишь! Даже утреннему солнцу и то не удалось обнаружить убежища зайчонка. Так и остался малыш лежать невидимкой среди кучи лесного мусора.

Обогрелись под солнцем деревья и начали сбрасывать с себя ночные наряды. То здесь, то там с хрустальным звоном разбивались сосульки, шлепались хлопья инея.

Натерпелся же зайчонок страху! Когда же рискнул наконец открыть глаза, то не узнал своей лужайки. Исчез без остатка серый иней, а на каждой травинке, на ветках повисли сверкающие капли и стреляли во все стороны разноцветными лучиками. Легкий прозрачный парок поплыл над лужайкой. Забулькал проснувшийся ручеек на дне оврага.

Лежит зайка, головы не поворачивает, но все кругом видит — и спереди, и с боков, и сзади (так уж интересно глаза у зайцев устроены). Из трещины в коре выполз сонный жучок-

бронзовичок. Сверкнул на солнце бирюзовыми надкрыльниками, выпустил бахрому крылышек—совсем было лететь собрался. Однако не решился. Втянул крылышки обратно, пошевелил усиками и юркнул опять в свою щелку. Вот замелькала сбоку бабочка-крапивница, села на былинку и греется на солнышке.

Много перевидал зайчонок в первый день своей жизни, лежа в тайном укрытии, и не раз сжималось от страха его крошечное сердечко.

Посудите-ка сами. Прилетела взъерошенная ворона, села на березу как раз над зайкой. Почистила тяжелый клюв о ветку и нацелилась хищным взглядом вниз. Малыш так и замер: вот-вот соскочит разбойница на землю, долбанет страшным клювом в голову и конец. Но, видно, хорошо замаскировался зайка. Каркнула ворона, оттолкнулась от ветки и полетела во свояси.

Только было успокоился маленький отшельник, как вдруг кто-то шевельнулся у него под брюшком и, с шумом взметнув шуршащие хрусткие листья, шарахнулся в сторону. То проснулась от зимней спячки увертливая ящерица.

Но самое страшное случилось под вечер. Вначале послышался треск раздвигаемых сучьев, затем гулко задрожала земля под тяжеленными копытами, и лесной великан — сохатый, мерно покачивая ветвистыми рогами и высоко поднимая голенастые ноги, торжественно прошествовал через поляну.

Всему, однако, приходит конец. Кончился и этот непомерно длинный весенний день, полный волнений и страха. Славно поработавшее солнце устало и клонилось к закату. Длинные тени исполосовали лесную полянку. В голубых сумерках засеребрился молодой месяц.

Ночью зайка почувствовал себя смелей: потянулся, расправил онемевшие лапки, повертел головой. Но покинуть свое укрытие не посмел и ночью. Инстинкт подсказывал ему, что маленьким зайчатам полагается лежать неподвижно...

Не зря забрал он в дорогу такой солидный запас материнского молока. Прошла вторая ночь, третья, а зайчиха-мать все не появлялась. Бока у зайчонка опали, животик подтянулся к самому позвоночнику. А матери все нет как нет. На четвертую ночь муки голода сделались невыносимыми. К утру малыш

стал замерзать. Он завозился в своем укрытии, расшвырял, листья, поднялся на задние лапки и, не обнаружив поблизости кормилицы, сам пустился на поиски.

Настороженно молчал ночной лес. Темные тучки набегали на луну, и по склону оврага проносились пугающие тени. Долго бродил зайчонок по лесу, вздрагивая и замирая при каждом шорохе. Спускался он на дно оврага, где приглушенно журчал ручей и шурша проваливался под ногами хрупкий апрельский снег, снова царапался наверх по крутому склону. И все напрасно. Не оказалось матери ни в хмуром ельнике, ни в пахучем сосновом бору. Не оставила она следов и между задумчивых берез...

Забрезжил рассвет. На молодых осинках обозначились светлые полосы от заячьих погрызов. Маленький странник осторожно пробирался сквозь вороха хлама, которым всегда бывает завален весенний лес, когда вдруг почувствовал, что кто-то крадется по его следам. Не помня себя от страха, малыш вложил остаток сил в ноги и пустился наутек. Но не тут-то было. Более сильный преследователь настигал его по пятам. Неравное состязание не могло продолжаться долго. Зайчонок мчался напрямик, дико выбрыкивая задними ногами, оскользался, снова стремительно набирал скорость, пока передние лапки не попали под предательский сучок. Несчастный полетел кувырком. Преследователь серой тенью перескочил через него, и зайчонок уткнулся в мягкий живот... зайчихи.

Да, да, это и в самом деле была зайчиха. Она наскоро обнюхала ошеломленного малыша и подставила ему набухшие соски...

Едва ли предполагал счастливец, что воспользовался услугами совсем посторонней кормилицы. Молодая зайчиха, страдающая от избытка молока, вторые сутки разыскивала по лесу своих непоседливых детенышей, и сама была рада случаю накормить юного скитальца. Так уж ведется испокон веков. По неписаным лесным законам каждая молочная зайчиха оделяет молоком первых попавшихся зайчат, так как найти именно своих детей не удается почти ни одной матери.

Кормилица терпеливо сохраняла свою неудобную позу, пока приемыш с закрытыми от наслаждения глазами заканчивал

свой запоздалый завтрак. Затем она далеко отскочила в сторону и в несколько прыжков исчезла в лесной чаще. А зайчонок пристроился неподалеку, под поваленной засохшей осиной.

Утро выдалось пасмурное, но теплое. Под мягкими порывами ветра лениво шевелились вверху тонкие ветки осины. По сухому листку рядом с зайчонок щелкнула крупная капля, вслед за ней подальше шлепнулась вторая, потом частой дробью капли забарабанили по рассохшейся коре поваленного дерева. Начался первый весенний дождь. Это было для зайчонка ново и страшно.

Маленький трусишка не мог, конечно, знать, что дождь — это защитник слабых лесных обитателей: он смывает следы и портит охоту хищникам. В этом зайчонок мог бы убедиться, если б природа наделила его способностью мыслить...

К полдню стало проясняться. Умытый, посвежевший лес засверкал солнечными бликами. От деревьев задулся волнистый парок.

По стволу осины, под которой схоронился наш зайка, кто-то пробежал легкой осторожной трусцой. Вот мелькнула в воздухе рыжая шуба, и на землю мягко прыгнула лисица. Прямо перед собой малыш увидел огромную голову чудовища с широкими стоячими ушами и круглыми желтыми глазищами. Еще бы миг, и трусишка, не выдержав напряжения, бросился бы бежать. Тогда гибель его была бы неотвратима. Но инстинкт подсказал малютке иной метод защиты — притаиться! Соскочив с поваленной осины, лисица убедилась, что надежный нос на сей раз попросту надул ее. Под деревом топорились куча прошлогодних листьев, и только. Ведь не могло бы живое существо сидеть неподвижно под самым лисьим носом!.. На счастье зайчишки, зашуршала где-то неподалеку глупая лесная мышь. Плутовка вмиг подцепила ее зубами и затрусила дальше.

...После дождя буйно пустились в рост травы. Обласканная солнцем земля поспешно одевалась в зеленый весенний наряд. От утренней до вечерней зари звенел в лесу разноголосый птичий хор. По ночам надрывались лягушки в ближнем болотце. После встречи с зайчихой малыш пролежал безвылазно еще три дня. Когда же голод снова начал беспокоить его, он пожевал

мягкий росточек, что незаметно вылез из земли рядом с ним, потянулся за вторым, третьим, а ночью выпрыгнул на лужайку и принялся жадно шипать сочную молодую травку... При этом он почувствовал неодолимую потребность в быстрых движениях. Что-то беспокойное, зудящее появилось в его лапках и требовало выхода. Наконец он не смог больше сдерживаться. Высоко подпрыгнув кверху, он встряхнул в воздухе лапками и стрелой помчался через лес. Кровь толчками понеслась по жилкам, ноги превратились в тугие пружинки, и буйный восторг охватил малыша!

Жить! Жить! Какая радость — жить! А встречный ветер треплет шерстку, ласкает разгоряченное тельце. Понеслись мимо кусты, замелькали в лунном свете деревья, закружилась голова от медовых весенних запахов... Кто-то шарахается с дороги. Уж не волк ли уступает дорогу взбесившемуся зайчонку? Вперед! Вперед! Но слишком скоро силы оставляют бегуна, и он, чуть живой, валится под куст...

С этой ночи зайчонок повел совсем иную жизнь. На день он прятался в укромных местах, а ночами выходил на кормежку и тренировался в беге. Ножки его становились все резвей и выносливей.

Никто не обучал малыша заячьим хитростям. Единствен-

ным воспитателем его оставался инстинкт. Научился зайчонок на самом стремительном бегу делать неожиданные боковые скачки. Научился резко петлять на бегу и постиг, наконец, сложное искусство путать свои следы перед тем как залечь на дневку.

Раза два юнец встречал в лесу зайчих-кормилиц, и те охотно угощали его сладким молоком. Но однажды наскочил на самца. Матерый зайчище так грозно топнул ногой, так страшно взьерошил мех на загривке, что наш зайка пустился удирать во всю прыть своих проворных лапок.

...А весна шла своим чередом. Раскидал орешник золотистую пыльцу, все больше цветов тянуло к солнцу свои головки. Кружевной листвой опушились березки. Молодые вкусные побеги наливались соком. От обильной пищи зайчонок заметно вырос, окреп. И когда бродяга-волк обнаружил его дневное укрытие, перед оторопелым хищником замелькал меж кустов маленький рыжий комочек и бесследно исчез вдаль.

Но от новой беды не спасли косоногого и резвые ноги.

Один раз, когда молодой заяц лакомился кленовыми побегами, в ночной тишине раздался чуть слышный посвист. В тот же миг из густой кроны ближнего дерева на спину зайца свалился пушистый серый комок. Режущая боль обожгла загривок. Несчастный отчаянно вскрикнул, сорвался с места и ринулся через лес с неведомым всадником на спине. В смертельном ужасе, не разбирая дороги, заяц мчался через чащу, а жуткий наездник все глубже запускал когти в его мягкий загривок. Ударившись о какой-то сучок, разбойник внезапно обмяк и повис безжизненным комом. Заяц же, подгоняемый страхом, все волочил его по земле, пока не повалился обессиленный навзничь. Некоторое время он пластом лежал на траве, пытаясь справиться с дрожью, пронизывающей все тело. Наконец собравшись с силами, он изогнулся насколько мог назад и перекусил застрявшую в его теле жилистую лапу.

На землю повалилась молодая серая сова. Она судорожно потянулась в последний раз и затихла. А раненый заяц неуверенными шаткими скачками отправился искать укромного убежища, где можно было бы передохнуть после стольких потрясений.

В лесу каждый из его обитателей лечится сам кто как умеет. Заяц болел долго. Он пробовал дотянуться до загрызка зубами, чтобы выкусить ненавистную лапу, катался по земле, пытался скovyрнуть болезненный придаток задней ногой. Все было тщетно. Тогда, руководимый смутным чутьем, заяц стал выискивать по лесу какие-то горькие корешки, выбирал в болотистых низинах нужные ему лекарственные травы. Рана зажила, но когтистая совиная лапа так и осталась торчать из спины.

Проходили дни. Кончилась блаженная летняя пора, когда повсюду было довольно разнообразного корма, когда каждый куст гостеприимно предоставлял убежище. В сентябре после первых заморозков засквозили в лесу нарядные осенние краски. Заалели гроздья рябины. Пожелтела и высохла трава на лесных лужайках. Ночных кормежек стало не хватать. Приходилось зайцу и днем пробираться в лесную глушь в поисках зеленой отавы.

Потом зашелестели надоедливые осенние дожди. Под порывами настойчивого осеннего ветра лес постепенно раздевался. И вот однажды заяц с ужасом заметил, что лежит он под голым кустом, хотя еще утром спрятался под его широкими желтыми листьями.

С первым снегом пришла голодовка. Много ли проку в горькой коре осины да в прихваченных морозцем ветках? Нужда вынудила подбираться поближе к человеческому жилью, где можно было перехватить клоч сена из стога или поглотить на огородах сладких капустных кочерыжек. Здесь впервые пришлось зайцу познакомиться с собаками и человеком. В память об этом знакомстве унес он под шкуркой несколько дробинок. Некоторые ему удалось выкусить, остальные же так и заросли под кожей.

Зима застала зайца в новой одежде. Со своей короткой и редкой летней шубкой он не расстался, только поверх нее отросла другая — длинная белоснежная, мягким и густым сделался подшерсток. Да и вся внешность его изменилась. В крупном горбоносом зайце-беляке никто не узнал бы прежнего наивного зайчонка.

Не раз испытав резвость своих ног, заяц начал было пренебрегать осторожностью, и один случай чуть не стоил ему

жизни. Произошло это в начале зимы. Он возвращался на расвете с огорода вдоль крутого берега реки. Из-за ближнего косяга навстречу ему выскочила лисица. Заяц присел, сгорбил, готовый задать стрекача. Но хитрая лиса отвернула острую мордочку и уставилась вдаль, будто заметила там что-то весьма интересное, затем грациозно прыгнула и принялась проворно раскапывать снег лапами, поминутно утыкаясь в него носом. То были обычные приемы мышинной охоты.

Заяц, распластавшись на снегу, сохранял выжидательную позицию. Плутовка отскочила подальше и принялась копать так яростно, что, казалось, началась настоящая метель. Наш знакомец решил, что успеет проскочить мимо. Но едва сделал первый прыжок, как лиса вмиг перерезала ему путь. Смачно клацнули челюсти. Беляк отчаянно рванулся, оставил в зубах хищницы порядочный лоскуток шубки и единым духом вылетел на обрывистый склон. Лисица бросилась в погоню, но заяц был уже далеко.

Природа наградила зайцев одной интересной особенностью: в минуту смертельной опасности заяц может оставить в зубах преследователя кусок собственной шкуры, как ящерица оставляет хвост. Оголенное место на теле быстро зарастает...

С началом охотничьего сезона покой зайца частенько начали нарушать собаки. Настороженную тишину зимнего леса спугивал их азартный залихватистый лай, и сухой треск выстрела возвещал кончину одного из сородичей. Немало их совершило свой последний путь в охотничьих сумках или болтаясь на сыромьятном ремешке за спиной промысловика. Но ни одна борзая во всем околотке не могла попробовать на зуб меченого за гривка нашего беяка, ни одной гончей не удалось направить его под выстрел своего хозяина.

В этом не следует усматривать какого-то чуда.

Иногда капризная природа по крупинке собирает среди десятков заячьих поколений ценнейшие качества, чтобы потом подарить их все разом одному избраннику. Таким счастливец оказался случайно наш герой. От одного из предков он унаследовал неутомимые быстрые ноги, от другого — редкостное чутье и острый слух, третий передал ему бесценный талант — хитро запутывать свои следы. А петлять их беяк был настоя-

щим артистом. Не раз, оставив далеко позади измученную собаку, он успевал построить из своих следов умопомрачительный, без единого выхода лабиринт, а затем с мудрым спокойствием посматривал из укрытия на мучительные потуги нетерпеливой собаки найти продолжение его следа.

Наблюдательные охотники заметили: в лесу появился какой-то на редкость изобретательный заяц, который уводит собаку далеко в чащу и там издевается над ними... Напрасно было звать разгоряченную погоней собаку обратно. Когда же иззябший обозленный охотник отправлялся на поиски сам, то убеждался, что и человеческому разуму нелегко постигнуть головоломки беляка.

Вот он саженными стежками простегал вдоль просеки свой особый, неповторимый след. Вдруг возле какой-то коряги след обрывается, будто заяц в этом месте взмыл на воздух. Надо обойти на лыжах широченный круг, чтобы снова напасть на след в частом осиннике. Но здесь, меж тесно сдвинутых стволов, хитрец так напетлял, что невозможно найти ни конца ни начала. После долгих блужданий по рыхлому снегу, в котором и на лыжах увязаешь по пояс, охотник убеждается, что все петли следов замкнуты и выхода из лабиринта нет. С проклятьями ломится он сквозь чащу в поисках места, где беляк сделал очередную скидку.

Вот наконец в буреломе, куда, казалось бы, можно попасть только на крыльях, обнаружена новая стежка. След увел километра на три в глубь леса, оборвался, появился вновь в колючем ельнике. Здесь все новые и новые петли, сдвойки, скидки... Один ребус следует за другим, наконец, размашистый след приводит охотника снова в знакомый осинник. Конечно, после стольких мытарств охотник рад-радешенек, если разыщет свою полумертвую от усталости собаку.

Так за всю зиму никому не только не удалось взять на мушку, но даже взглянуть хоть одним глазом на удивительного зайца. Только на другой год местному лесничему удалось полюбоваться на него издали. Но не дешево далось ему это удовольствие.

Однажды после многочасовой гонки по колкому мартовскому насту его знаменитая медалистка Леда перестала вдруг

подавать голос и не являлась на призывный зов охотничьего рога. Обеспокоенный хозяин отправился по следам и на далекой лесной поляне обнаружил в бинокль свою любимую распростертой на снегу. Поблизости от нее сидел на задних лапах редкостно крупный красавец беляк и спокойно умывался. Лесник успел заметить, что в загривке у зайца торчит лапа какой-то хищной птицы.

Лапы собаки были изодраны настом до самых костей. Несмотря на помощь ветеринара, она через два дня сдохла. Лесничий совсем потерял голову. Он посулил большие деньги за тушку невольного убийцы. Этот приз и тщеславное желание повесить через плечо легендарного беляка взбудоражили местных охотников....

Началось ожесточенное преследование. Во всей округе не осталось такого владельца ружья, который не попытал бы своего счастья в интересном состязании.

Найти зайца было довольно просто. С непостижимым постоянством он продолжал устраивать дневку под одной и той же поленницей в чаще леса. Но застать чуткого зверя на месте было совершенно невозможно. Каждый раз собака утыкалась в свежий след, уходящий от поленницы к ближайшей просеке.

Обычно зайцы, спасаясь от преследования собаки, описывают по лесу большой замкнутый круг, и опытный охотник без труда определяет место, где выгоднее стать с ружьем, чтобы встретить косога. Но ни одному охотнику не удавалось разрядить ружье в «меченого» беляка.

— Академик! Суший академик в своем деле! — отзывались о нем охотники. Померзнув несколько дней кряду в лесу, до полусмерти загоняв собак, охотники один за другим оставляли бесплодную травлю. Лишь одна надоедливая собака — дочь погибшей Леды — изо дня в день продолжала гоняться за нашим беляком. Только весенняя распутица избавила его от ее яростного преследования.

Прошло еще одно лето, отшумели в лесу шальные осенние ветры, и с первым снегом снова понеслась ненавистная собака по четкому следу своего неуловимого врага...

Вот тут-то и сказался длительный перерыв. За лето беляк порастерял былую осмотрительность и, не учуяв подкравшегося

ся охотника, промчался недопустимо близко от него. Грохнувший сзади выстрел оглушил зайца. Рана была пустяковой, но подшибленный на громадной скорости беляк полетел кувырком и крепко ударился обо что-то головой. Очнулся он, когда собака рванула его зубами за спину. Заяц свился в тугую пружину, наугад полоснул мощными задними лапами. Раздался дикий пронзительный визг, и преследователь его с порванной грудью повалился на снег. Но в тот же миг сильная рука сдавила уши зайца. Вскинутый на воздух беляк все еще изворачивался и бил во все стороны длинными жилистыми ногами...

Лесничий так и не успел нащупать у пояса нож. Острая кость совиной лапы вонзилась ему в руку возле кисти, и оглушающий удар в лицо заставил его разжать пальцы. Пленник же, оказавшись на снегу, не замедлил применить ноги по их прямому назначению...

...Не знал заяц, отлеживаясь под привычной поленницей и зализывая ранку в боку, что летает по окрестности крылатая слава о нем. Не знал, во что ценится его ушастая голова, над

которой уже собирались новые тучи...

В тот час, когда лесничий, поджидая приглашенного изда-лека ветеринара, неумело прилаживал повязку на грудь ране-ной собаки, в гости к нему заявился старинный друг — предсе-датель охотничьего общества, страстный любитель и знаток зимней охоты. Он приехал побродить с ружьем по первой поро-ше и, кстати, похвастаться перед другом-лесничим своей пре-красно вышколенной собакой.

Прослушав горестный рассказ лесничего, гость ухмыль-нулся:

— Я подумал — на медведя напоролись. А оказывается: зайчишка вас с собакой выпорол! Н-да... делишки!

Лесничий, потирая опухшую щеку, неприязненно глянул на собеседника.

— Хочешь пари?.. Если ты со своим Рогдаем этого «зай-чишку» за один день возьмешь, отдаю тебе свое ружье. Ему, как ты знаешь, цены нет. Если же до вечерней зари не добу-дешь зверя, уедешь отсюда без собаки. Идет?

Обладатель золотой медали — чистокровный арлекин Рог-дай, рослый мускулистый красавец с темными подпалинами на светло-коричневой шкуре, услышав свое имя, поднялся с пола, положил на колени хозяина свою умную голову и весело виль-нул хвостом...

Три дня никто не тревожил зайца. Эти три дня поджентль-менски подарил ему охотник на поправку, чтобы сделать более интересным предстоящее состязание. На четвертое утро, вер-нувшись с ночной кормежки, заяц только задремал, как вдали послышался подозрительный скрип. Сомнения не было: так по-скрипывает мерзлый снег под охотничьими лыжами. Легкими скачками беляк добежал до знакомой просеки и присел при-слушиваясь.

Сегодня ему особенно хотелось покоя. Рана зажила еще не совсем и при каждом движении напоминала о себе острым по-калыванием. Но вот вдали отрывисто твякнула собака... На от-дых рассчитывать не приходилось.

Заяц выскочил на просеку и помчался широкими махами, чувствуя, как нарастает привычный свист ветра в ушах. Лай позади не затихал и не отдалялся. Беляк понял, что на этот

раз имеет дело с серьезным противником. Здешних собак он уже знал наперечет, с этой же ему приходилось состязаться впервые.

Если б не боль в боку, бежать было бы совсем легко. Вчера весь день шел мокрый снег, и ночной морозец подковал его сверху крепкой скрипучей коркой.

Просека вырвалась в поле. Беляк промчался вдоль опушки и снова шмыгнул в лес по извилистому ложу замерзшего ручья. Местами на пути встречались заросли густой, цементированной снегом осоки. С треском проламываясь вперед, заяц заметил, что азартный лай позади доносится отчетливей. Видимо, собаку не особенно задерживали эти густые заросли. И все же заяц решил немного передохнуть.

Вырвавшись на открытое место, он сделал бешеный разгон и перед очередной куртинкой осоки мощным трехметровым скачком махнул в сторону — под куст тальника; оттуда метнулся на ствол горбатого осокоря и замер на нем, обернувшись в сторону преследователя.

90826
Собака с разгона перескочила через осоку и, не обнаружив за нею следа, затормозила выставленными вперед лапами. Лай сразу оборвался. Некоторое время обескураженный пес вертелся на месте, то вскидывая голову, то утыкаясь носом в снег. Наконец убедившись, что его провели, он жалобно, пощеньячи заскулил и бросился назад. От места, где оборвался след, он побежал кругами, по спирали, высоко задрав влажный нос, как это делает всякий умный гончак, когда хочет обнаружить «верхним» чутьем затаившуюся неподалеку дичь.

Едкий морозный ветерок скользнул в сторону собаки. Бездействовать далее становилось опасным. Улучив момент, когда гончак обернулся спиной, заяц прыгнул на снег и помчался сквозь чашу снова к опушке. Ему удалось доскакать до своего старого следа, когда вдаль снова раздался приглушенный лай. Это означало, что арлекин напал-таки снова на след. Но сейчас у зайца был значительный выигрыш в расстоянии, и он воспользовался этим, чтобы задать гончаку задачу посложнее. Стараясь попадать лапами в свои прежние следы, беляк сделал стремительный разбег, отмахнул на черневший в стороне пенек, с пенька пулей пролетел мимо ствола молодой березки

и все же изловчился оттолкнуться от нее задними лапами, затем, едва царапнув когтями полусгнившую колоду, отскочил под взъерошенный куст можжевельника. Таким образом хитрец оказался в двадцати метрах от ручья, не оставив позади ни единого следа.

Тут заяц не спеша умылся, повозился на снегу и расположился на отдых. По опыту он знал, что отыскать его сейчас будет нелегко.

И в самом деле, собака с лаем промчалась мимо и исчезла за поворотом. Прошло немало времени, пока она, обежав многокилометровый круг, снова показалась у опушки. На этот раз арлекин семенил неторопливой трусцой, ведя нос по следу и нетерпеливо повизгивая. В том месте, где заяц скинулся со следа, собака вдруг заметалась, припадая на передние лапы, и снова пошла кругами. Догадливый пес точно определил место, где след терял свой острый запах.

Передышка закончилась. Под прикрытием можжевельового куста беляк начал отступление. Охотник мог в любую минуту пожаловать сюда. Беляк умчался на несколько километров в глубь леса, замкнув свои следы в широченный круг, сделал новую скидку и залег за сосновым стволом.

Преследователь не заставил себя долго ждать. Когда он с победным лаем вырвался из чащи и устремился по свежему следу, заяц выскочил из своего укрытия и заковылял следом за ним. Со стороны было похоже, будто не собака гонит зайца, а заяц упорно преследует собаку... Долго продолжалась эта странная игра. Заяц несколько раз скидывался со следа в сторону и предоставлял собаке пробежать пару кругов в одиночку, затем, пропустив гончака вперед, снова выскакивал на круг и освежал след...

Послышался далекий отголосок охотничьего рога. Заяц припустил по прямой и перенес состязание к тому самому оврагу, где когда-то впервые опробовал свои неокрепшие лапки. Арлекин выбивался из последних сил. На снегу все чаще появлялись кровавые мазки от его содранных ног. Он то и дело спотыкался, шатаясь, скакал на трех ногах, наконец, повалился на бок и принялся вылизывать израненные лапы. Поджарый, мокрый, с подведенным брюхом, он представлял сейчас до-

и все же изловчился оттолкнуться от нее задними лапами, затем, едва царапнув когтями полусгнившую колоду, отскочил под взъерошенный куст можжевельника. Таким образом хитрец оказался в двадцати метрах от ручья, не оставив позади ни единого следа.

Тут заяц не спеша умылся, повозился на снегу и расположился на отдых. По опыту он знал, что отыскать его сейчас будет нелегко.

И в самом деле, собака с лаем промчалась мимо и исчезла за поворотом. Прошло немало времени, пока она, обежав многокилометровый круг, снова показалась у опушки. На этот раз арлекин семенил неторопливой трусцой, ведя нос по следу и нетерпеливо повизгивая. В том месте, где заяц скинулся со следа, собака вдруг заметалась, припадая на передние лапы, и снова пошла кругами. Догадливый пес точно определил место, где след терял свой острый запах.

Передышка закончилась. Под прикрытием можжевелевого куста беляк начал отступление. Охотник мог в любую минуту пожаловать сюда. Беляк умчался на несколько километров в глубь леса, замкнув свои следы в широченный круг, сделал новую скидку и залег за сосновым стволом.

Преследователь не заставил себя долго ждать. Когда он с победным лаем вырвался из чащи и устремился по свежему следу, заяц выскочил из своего укрытия и заковылял следом за ним. Со стороны было похоже, будто не собака гонит зайца, а заяц упорно преследует собаку.. Долго продолжалась эта странная игра. Заяц несколько раз скидывался со следа в сторону и предоставлял собаке пробежать пару кругов в одиночку, затем, пропустив гончака вперед, снова выскакивал на круг и освежал след...

Послышался далекий отголосок охотничьего рога. Заяц припустил по прямой и перенес состязание к тому самому оврагу, где когда-то впервые опробовал свои неокрепшие лапки. Арлекин выбивался из последних сил. На снегу все чаще появлялись кровавые мазки от его содранных ног. Он то и дело спотыкался, шатаясь, скакал на трех ногах, наконец, повалился на бок и принялся вылизывать израненные лапы. Поджарый, мокрый, с подведенным брюхом, он представлял сейчас до-

вольно жалкое зрелище. Беляк, прижавшись на снегу, терпеливо ожидал конца операции...

Вдали опять призывно затрубил рожок. Собака ответила жалобным визгливым лаем, но не поднялась с места. Заяц прыгнул в сторону и безо всякой предосторожности поскакал прочь. Арлекин с оглушительным ревом кинулся в погоню. Но исход состязания был уже предрешен. Заяц легко оставил позади измученного преследователя, замкнул свой след в новое кольцо и, сделав очередную скидку, занял позицию наблюдателя.

Кончался короткий зимний день. В голосе собаки зазвучали нотки смертельной усталости и тоски. Поочередно поджимая израненные лапы, она проковыляла последний круг и со стоном повалилась на снег. На этот раз у нее даже не хватило сил, чтобы ответить на зов охотничьего рога, который раздавался все настойчивее и ближе.

Из-за елки показались двое охотников. Молодой бросился к собаке, порывисто прильнул к ней, торопливой дрожащей рукой застегнул поводок на ошейнике, сунул конец поводка второму охотнику и, не оглядываясь, заскользил на лыжах прочь. Оставшийся — седоусый старик в дубленом полушубке — бережно поднял собаку на руки и осторожно покатыл с ней на своих широких лыжах в другую сторону.

Когда замер вдали скрип его лыж, заяц отер мордочку лапой,лизал ноющий бок и поскакал в знакомый осинник глотать кору.

Балашов Виктор Сергеевич
МЕЧЕНЫЙ
Рассказ

Редактор *К. П. Чулкова*
Рисунки художника *М. Ф. Аверьянова*
Художественный редактор *Е. В. Альбокринов*
Технический редактор *Е. А. Яшенкина*
Корректор *О. П. Долгановская*

Сдано в набор 29/1 1960 г. Подписано к печати 7/III
1960 г. ЕО01022. Тираж 30 000 экз. Формат 70×92^{1/4}.
Физ. печ. л. 1,25, печ. л. 1,46. Уч.-изд. л. 1,07.
Цена 35 коп.

Куйбышевское книжное издательство, г. Куйбышев
Молодогвардейская, 59.

9-я типография имени Мяги областного управления
культуры, г. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 135

35 коп.

С 1 января 1971 г.
Книга — в дар

КУЙБЫШЕВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960